

5 мая 1999

Право-слово

Никита Михалков полагает, что сегодня люди должны объединяться вокруг слова «да», а не вокруг слова «нет»

Мой доверитель

Рубрику ведет Анатолий КУЧЕРЕНКО, директор адвокатского бюро «Аргумент» Московской городской коллегии адвокатов

Недавно один популярный еженедельник провел опрос среди ведущих политиков, бизнесменов и деятелей искусства на весьма странную тему: «Кто круче — Михалков или Пушкин?»

Не искушенный в подобном рода постмодернистских играх первый заместитель Юрия Лужкова начальник всех московских строителей Владимир Иосифович Ресин только руками развел: «Да как же их можно сравнивать? Гордиться ими нужно! Семья Михалковых — это явление России, которым надо гордиться, так же как мы гордимся Пушкиным».

А ведь как в самом деле просто и ясно: гордиться нужно! Лично я как адвокат горжусь, что прославленный кинорежиссер, актер и общественный деятель Никита Сергеевич Михалков оказал мне честь, став моим доверителем. Говорю «доверитель», поскольку распространено в адвокатских кругах слово «клиент» мне не по душе — невольно вспоминается «классическое»: клиент созрел.

Я не кинокритик и не политолог. И все же как человек, давно знающий Никиту Сергеевича, любящий и ценящий его творчество, риску сказать несколько слов и о его фильме, и о перспективах его как политика. Тем более целый ряд ведущих изданий уже несколько месяцев ведет дискуссии на тему: «Станет ли Михалков президентом России?»

Почему-то так у нас сложилось, что любая хула и поношение, выдвигание диких, ни на чем не основанных обвинений, оглобляющая травля воспринимаются как проявление «гражданского мужества», а высокие оценки — пусть даже в отношении действительно достойного и прекрасного — как свидетельство угодливого и ангажированности. Давайте же наконец перестанем опасаться «говорить друг другу комплименты»!

На мой взгляд, «Сибирский цирюльник» — это фильм-эпоха, фильм на уровне шедевров мирового

кинематографа, дарующий и утверждающий веру в грядущее возрождение России. Прекрасное, высочайшее мастерство кино. Какие еще слова подобрать? Проще сказать великое спасибо режиссеру, автору сценария, оператору, художнику, композитору, всем, всем, кто вложил свою душу и любовь в это произведение. Возможно, после того, как настолько высоко поднята планка не только профессионального мастерства, но и духовно-нравственного начала, кому-то станет труднее снимать картины. Не отсюда ли — какая-то мелкая зависть, «бунт на коленах», выскивание погрешностей, копание в не относящихся к делу личностных качествах режиссера, желание принизить, а то и оскорбить?

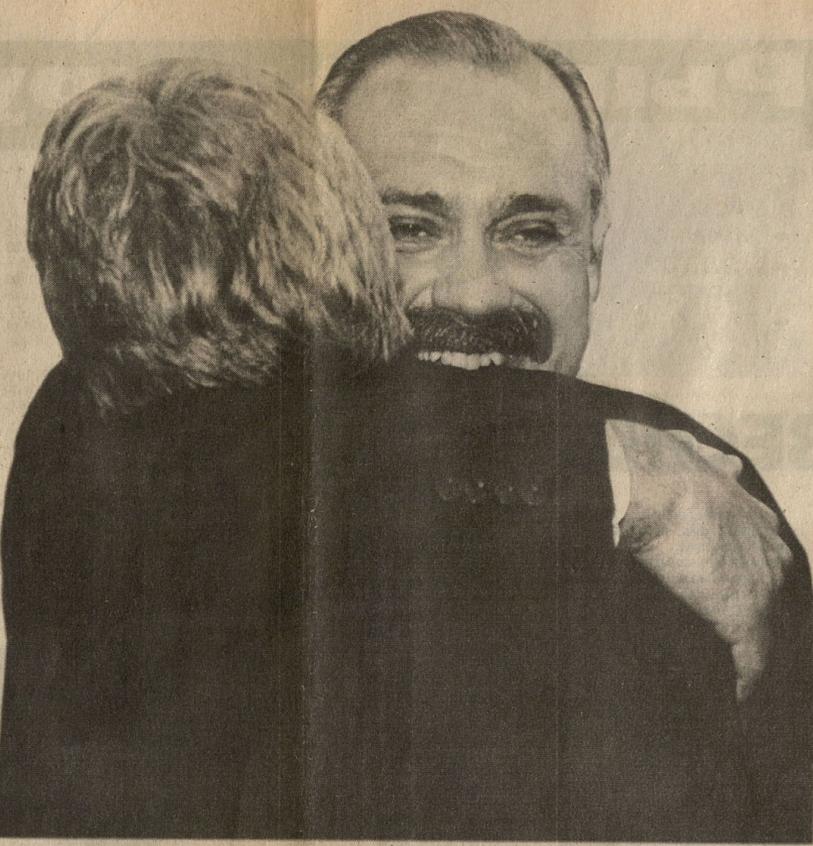
Недавние высказывания г-на Гордона на радиостанции «Серебряный дождь» в отношении Никиты Михалкова непосредственно подпадают под статью Уголовного кодекса. Г-ну Гордону не понравились цели, на которые Никита Михалков тратит деньги, и он не нашел ничего лучшего, как сравнить всемирно известного кинорежиссера (прошу прощения за цитирование) с «последней бледью». Воистину — «культура в массы»!

Что делать в подобных случаях? Обращаться в прокуратуру с заявлением о возбуждении уголовного дела? Или в суд — с гражданским иском о защите чести и достоин-

ва? К сожалению, там редко удается найти справедливость.

Меня крайне удивила признания г-на Гордона. Она давно содержится в статье 130 действующего УК РФ, где говорится: «Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, наказуется... исправительными работами на срок до одного года (максимально — А. К.)».

В комментариях к Уголовному кодексу указывается, что «объективная сторона оскорбления заключается в действиях, которые унижают честь и достоинство личности в неприличной форме, т. е. противоречащей правилам поведения, требующей общечеловеческой морали. Не имеет значения, соответствует

Вок Москва - 1999 - 5 мод. - с 3

отрицательная оценка потерпевшего действительности или нет».

Что здесь непонятного? И тем не менее нашлись у г-на Гордона добровольные «адвокаты». В свое время историк Михаил Погодин заметил, что нет в истории такого неприглядного деяния, которое не находило бы среди современников и потомков своих защитников и «протекторов».

А совсем недавно один кинодраматург, Евгений Митко, заявил, что, оказывается, «оригинальная идея» «Сибирского цирюльника» принадлежит не Михалкову, а... ему. Будто бы он, Митко, еще в 1991 году послал на закрытый российско-американский конкурс сценарий, где русский солдат влюбляется в американку. Этим, собственно, «сходство» двух сценариев и ограничивается. Действие картин не отсыпается, сценарий для которой был написан Митко, разворачива-

ется в 1945 году в Вене, а в фильме Михалкова — в прошлом веке в Петербурге и в Сибири. К тому же сценарий «Сибирского цирюльника» был написан еще в 1989 году, то есть за два года до появления сценария Митко. Если же предположить невероятное, а именно, что Никита Михалков и Рустам Ибрагимбеков и в самом деле возмарились «почитать» сценарий у малоизвестного кинодраматурга и тем самым совершить преступление, признаки которого предостережены ст. 146 УК РФ (нарушение авторских и смежных прав), то, право же, они могли бы пойти более изощренным путем, например, сделав главную героиню англичанкой или французской женщиной.

Все это было бы смешно, когда бы не вышло моего доверителя оправдываться в несовершенстве преступления, обивая пороги судов и прокуратуры, вести малопривлекательные беседы с «исцами» и «потерпевшими». Даже безобразную выходку двух юных «национал-большевиков» в Центральном Доме кино, решивших «покритиковать» мастера свежими яйцами, иные газеты пытаются представить как какой-то «подвиг». Теперь, после шквала публикаций, двух юных хулиганов Бахура и Горшкова «вся Россия знает». Есть, значит, и такой путь к «славе» — простой и короткий.

Н ость «критика» более утонченная. Вот г-н Даль Орлов пишет в газете «Век»: «Все чаще поговаривают, что, глядя на и станет Михалков президентом. Только сомнительно. Откровенный снобизм, похвальба эта родословной своей, безразмерная любовь к знати — административной, церковной, творческой — вряд ли могут иметь успех в стране порубленных судеб, в стране, что медленно, но верно выбирается все-таки к пониманию самоценности каждой, а не только номенклатурной человеческой личности».

Читаю все это и не понимаю: про кого это написано — про моего доверителя или какого-то его однофамильца? Общаюсь с Никитой Сергеевичем на протяжении многих лет, не заметил я у него какой-либо особой любви к «знати». А что до снобизма... Об этом хорошо сказал сам Никита Сергеевич в интервью «Общей газете»: «Я не мог понять, за что меня не любят в классе, когда я честно признавался учителнице, что опоздал потому, что Рихтер играл до трех часов ночи и не давал спать. Я не понимал, что в этом особенного. А у нас за столом такие имена витали, что мало не покажется: «Сергея Рахманинов», «Паша Васильев». Велимир Хлебников, по рассказам мамы, спал у нас на роляе, а Маяковского бабушка спустила с лестницы, сказав, что отказывает ему в доме. Все это казалось естественным».

Ну если это снобизм... Об этом, впрочем, интересно рассказывает Александр Калягин: «Никиту знали в Щукинском училище как сына Михалкова. Красивый мальчик, женат на Насте Вертинской! Настю все любили: небожители, изощреннейшая девушка, все по ней дошли, тайно и не тайно. Такая паря — Никита Михалков и

Настя Вертинская, такое соединение, органика... То, что он талантливый и красивый, все понимали уже тогда. И красивость, и самовлюбленность, может быть, остались и сейчас — но на другом уровне, на уровне мужика. А вот ту пошловатую самовлюбленность и красивость он подавил в себе. Это армия, флот, ВГК, приятие факта, что его вывели. Херувимчик стал мужиком.

Никита талантлив — это очевидно. Он вырос, стал большим мастером. Он мыслит как государственный деятель... Люди, хорошо знающие Никиту Сергеевича, работавшие с ним на съемках, говорят, что, если надо для дела, он будет спать по три часа в сутки и жить в бараке. Какое уж тут барство?

После премьеры фильма «Сибирский цирюльник» коммунистическая, относящаяся к Михалкову с глубокой антипатией «Советская Россия» писала: «Ого новый фильм не оставляет сомнений: это хитроумно сработанный на уровне зарубежных избирательных технологий стартовая площадка для будущих президентских выборов. Лужков, Лебедев, Черномырдин, Явлинские могут не беспокоиться: Михалков рядом с ними вне конкуренции. Он только что продемонстрировал свое устрашающее оружие — «Сибирским цирюльником» он станет президентом России, как бы ни маскировал свои намерения».

Приход Михалкова к власти гарантирует нас от фашизма как мажорского, так и блатного толка. Ведь и фашисты, и блатные одинаково склонны к истерике и одинаково ненавидят любые нравственные законы, признавая лишь законы своего клана. Так что ни «пальюющие» бизнесмены в златых цепях, ни полунцие фанатики в лохмотьях не получат при нем никакого шанса. А шанс получат те, кто и в наши перевернутые времена был верен себе — ходил на работу, растил детей, любил близких. На идее дома легко примирить и демократов, и консерваторов — лишь бы не было пошлости. А пошлости у Михалкова нет: его ироничная, тонкая, легкая карикатура это лишний раз подтвердила».

Совсем не исключаю, что на президентских выборах 2004 года кандидатура Никиты Михалкова и в самом деле станет одной из самых «проходных».

В интервью одной британской газете мой доверитель обмолвился, что, если он почувствует, что люди хотят его видеть президентом, он серьезно задумается об этом. Не успел так сказать, не исключать своего участия выборах, а потенциальные «конкуренты» уже тут как тут. Геннадий Зюганов был категоричен:

«Михалков — один из лжепатриотов, которых будут подсовывать народу на будущих выборах».

Нет, не тот Никита Сергеевич человек, которого кто-то кому-то может «подсунуть». А потом ну никак не возьму в толк, в чем состоит для г-на Зюганова критерий патриотизма? Если человек «с мядыми ногтями» «протирал штаны» на агитационно-партийной работе (прошел «славный путь» от секретаря Орловского обкома комсомола до заведующего идеологическим отделом ЦК партии), воспевая преимущества «советского образа жизни», а сегодня прославляет Сталина и обличает «антинародный режим» — это образец служения России? Если возглавляемая этим деятелем фракция в Государственной Думе занимается чем угодно — «денонсацией беловежских соглашений», установлением национальных «квот» в органах государственной власти, осуждением агрессивной политики американского империализма, то это, очевидно, позиция подлинного патриотизма? А если человек дебютирует в кино в возрасте 16 лет, снимает фильмы, удостоивается десятков международных призов, включая «Оскара», зовет не к «топору», а к национальному примирению, то ему, очевидно, следует отказать в патриотизме? Не благодаря ли таким «патриотам», как Зюганов, само слово «патриот» стало для многих россиян чуть ли не ругательным?

К счастью, не все потенциальные конкуренты Михалкова на президентских выборах разделяют оценки Зюганова. Скупой на похвалу Владимир Жириновский заявил: «Никита Сергеевич — представитель золотого фонда нации. Он может и президентом стать. Но для этого надо очень много работать».

Россия — не первая страна, которую поразили тяжелейший экономический, социальный, но главное — моральный и духовный кризис. Примерно такое же состояние пережили в конце 70-х годов Соединенные Штаты.

И вот на политической сцене появился профессиональный актер — Рональд Рейган. Не юрист, не экономист, не интеллектуал, а просто сильный и честный лидер, проникнувший осознанием своей исторической ответственности. Уже немолодому президенту удалось подобрать сильную команду, победить инфляцию и безработицу, но главное — вернуть Америке веру в свое историческое предназначение, укрепить ее оборонную мощь, а затем — действуя с позиции силы (а другой в мировой политике нет!), «отбросить» коммунизм, положить начало его краху... Михалков не раз заявлял о том, что при живом и действующем президенте Ельцине распространяться о собственных президентских амбициях по меньшей мере некорректно.

«Очень просто», — говорил он, — пользоваться сегодня тяжелым положением граждан и строить свою политику на видимом сочувствии им. Собирать вокруг себя недобровольцев. Потому что на самом деле сегодня нет ни одной политической партии. Есть одна партия — мести. И больше ничего. Поэтому нынешняя ранняя президентская гонка превращается в кухонную драгу со сплетнями, с выяснением отношений, со слухами, домыслами, откровенной ложью. Абсолютно не по-русски, не по-христиански обсуждать, когда же президент почнет в бозе, и когда его скинут, и кто займет его место, дачу, кресло. Вот это, вместе взятое, омерзительно и унижает не только президента, но и всю страну».

Если Михалков и решится на такой непростой шаг, для него это будет жертвой, говоря словами Ивана Ильина, «не кормлением, но служением». Скорее даже крестом, почти нечеловеческой ответственностью.

Почему речь идет о жертве? Михалков прекрасно понимает, что даже самый талантливый и деятельный президент, скорее всего, не увидит при жизни плодов своей деятельности. В лучшем случае ему удастся заложить фундамент выхода из кризиса. А потому он так осуждает «революционное нетерпение».

«Почему Петр Первый для меня первый большевик?» — задает вопрос он. — Потому что он хотел видеть результаты своей деятельности еще при своей жизни. Для этого одним — в Голландию учиться, другим — объясняя, брить бороды, ходить по грязюке в лакированных туфлях, пить по утрам кофий вместо стакана водки от холода. И пошло-поехало: коллективизация, индустриализация, кукуруза, целина, совхозы и колхозы, пятилетки — год определяющий, завершающий, очумевший... Когда нет подлинной цели, в которую веришь, ради которой живешь, которая передается детям и внукам, — тогда рождается шаманство. Шаманство на ложной идее.

Вера диктует тебе делать нечто, даже если результаты своей жизни ты сам не увидишь. Как говорил Толстой: «Делай, что должно, и пусть будет, что будет».

Михалков полагает, что сегодня люди должны объединяться вокруг слова «да», а не вокруг слова «нет», искать соратников по общему делу, а не по недовольству и злобе. На выборах 1996 года он активно поддержал Бориса Ельцина, очевидно, считая этот выбор «меньшим из зол». Этого обстоятельства ему до сих пор не могут простить его оппоненты. Однако уже тогда он говорил президенту: «Борис Николаевич, вы собираете вокруг себя людей по принципу: «Ты их не любишь, значит, иди со мной». Хорошо, вы уничтожите то, что вместе не любите, а что дальше? На не любви, на отрицании, на маргинальном отношении к жизни ничего, кроме войны и хаоса, в России добиться нельзя».

Михалкова всегда раздражало, когда оппоненты Ельцина говорили о президенте в оскорбительном и уничижительном тоне, обвиняли в «пристрастии к известному на Руси пороку» и прочих грехах. «Я доброжелательно отношусь к Геннадию Андреевичу Зюганову, — говорит мой доверитель. — Но мне кажется, что он совершает большую ошибку. Ошибка заключается в том, каким образом лидер КПРФ пытается бороться с Борисом Ельциным. Не по-русски это — опускаться до разговоров о президенте как о человеке, ничего не соображающем, лишенном всякого значения. Говорить в таком тоне о лидере, который избран всенародно и закононо, — это удар не по нему, а по достоинству народа».

«...Не рабская ли это философия — пнуть старого ослабевшего хозяина, зная, что он не ответит? Не потому ли началась травля, что можно не бояться? Кто, хотелось бы мне знать, из сегодняшних хулигателей президента осмелится бы лет 15—20 назад хоть сотую долю того сказать про генсека, да что генсека — рядового заводилом ЦК КПСС. А пили они тоже не слабо».

Возможно, открытое письмо моего доверителя против затеянного коммунистами импичмента в значительной степени помогло охладить политические страсти и избежать катастрофической для страны развязки политического конфликта.

«Нет оправданий тем, — писал Никита Михалков, — кто по лирике, расчету или идеализму играет в «русскую рулетку», приставляя пистолет к виску России». И в так давно еженедельник «Профиль» со ссылкой на высокопоставленного лица из администрации президента сообщил: «Михалков — это розыгрыш Березовского, розыгрыш президентской семьи. Все дело в том, что Лужкова семья не хочет, Зюганова не хочет, Лебедев не хочет, Явлинского не хочет — давайте что-нибудь новенькое. Новенькое — это Примаков. К Примакову, видимо, подход такой. Примаков основной, но вдруг рубль обвалился, цены будут расти, все грохнет — нужен запасной вариант. И Михалков сегодня — это запасной вариант президента. У него имидж, усы, и женщины его любят».

Именем Бориса Абрамовича Березовского «политические технологи» у нас падают избирателя. Мне известен такой случай. Согласно всем опросам общественного мнения на выборах в Госдуму по одному из округов со значительным отрывом лидировал известный политик. И вдруг в последнюю субботу перед выборами весь округ оказался захвачен листовками, в которых избиратель призывали голосовать именно за этого политика. Под листовками стояла подпись — разумеется, фальшивая: Б. А. Березовский.

981